

Европейские истоки арабо-израильского конфликта

Александр Задохин

Современная история Израиля восходит ко времени еврейской иммиграции из стран Европы, начавшейся массово и организованно в 90-х годах XIX в. По сути, это был второй Исход евреев, подобно первому из Египта. Первоначально речь шла о возвращении евреев на историческую прародину. В 1917 г. эту идею поддержало британское правительство в декларации Бальфура, в которой содержалось обещание образовать в Палестине «национальный очаг для еврейского народа». Для этого были свои причины. В то же время необходимо понять глубинные причины Исхода из Европы. Как представляется автору, эти причины лежат в конфликте религиозной идентичностей и времени возникновения христианской религии.

Христианская трансэтническая религиозная система формировалась одновременно и как развитие, и как отрицание иудаизма. Христианская доктрина заимствует определенные положения иудаизма. Но впоследствии христиане подзабывают или пытаются забыть свои иудаистские корни, культивируя миф о

«предательстве Иуды», тем самым как бы подводя черту под своей дохристианской предысторией. Но прошлое не удастся забыть, и через столетия христиане внутренне не могут смириться с тем, что их Бог был евреем/иудеем.

В свое время А.С.Пушкин, который в общем-то не замечен был в особой религиозно-

---

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – профессор Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: конфликт, христианская религия, сионизм, эмансипация, безопасность.

сти, в своем письме к П.Я. Чаадаеву напоминает себе и адресату тот факт, что источник христианства был «не чист», ибо Иисус Христос «родился евреем»¹.

Внутренний конфликт ценностей и тот или иной комплекс неполноценности, присущий всем народам, христиане пытаются преодолеть через распространение «вины Иуды» на всех евреев, т.е. умножения локальной и изначальной оппозиции между народами «Мы – Не мы» на бесконечный ряд подобных оппозиций, сделав чисто ближневосточный феномен универсальным и сверхсакральным. Теперь при любых критических ситуациях любой христианин, любой христианский народ знал своего единственного **Чужого** «виновного» в своих бедах. Ему об этом напоминали в проповедях.

Стереотипная ценностно-культурная ориентация общественного сознания с опорой на его архаические слои создает условия для блокирования прагматического определения целей и максимально точного описания национальных интересов в соответствии с ресурсами и возможностями общества на данный момент и на перспективу. Так, естественный «природный» этноцентризм начинает трансформироваться в концептуальный национализм², в котором избранность нации и ее мессианская предназначенность являются основными мотивами агрессивной политики^{2, 3}.

Это происходит в различных вариантах. Так, ценности-клише активно влияют на формирование образа (картины) мира: реальность как бы подгоняется под какие-то ценности или воспринимается через их фильтры.

В обычном состоянии воздействие архетипов и стереотипов не то что заметно, но не столь влиятельно. В условиях же внутреннего или международного кризиса/конфликта возникает особое психологическое состояние общества. Оно выражается в нарастании воздействия коллективного бессознательного в социальном действии, когда спонтанно появляется стремление к стереотипному разрешению кризисной ситуации. Происходит сужение сознания, возврат к ограниченному ряду архаических ориентиров, сложившихся в процессе предшествующих периодов развития общества и его сознания и отражающих реальность иного геополитического и культурного порядка. Как правило, в ряду таких внешних ориентиров присутствуют именно какой-то другой/чужой народ или государство.

Внешние опасности формируют первичную систему самоидентификации любой нации. Осознание своего коллективного **Я** происходит не просто как сопоставление себя с соседями, но постепенно это сопоставление приобретает определенные ценностные характеристики. Контуры некоторых базовых параметров понимания иного, или другого, народа в ценностном контексте передаются через обобщенную категорию «чужой», т.е. «они» не просто чем-то не похожи на мой народ, но и не принадлежат моему роду, моей общине, буквально «**не мой**» и «**чужой**». С таким «**чужим**» можно поступать как угодно...

У конкретного народа образ чужого присутствует не только как категория, помогающая осознать себя, (т.е. выделить себя из среды обита-

ния, консолидировать себя с себе подобными, наконец, осознать необходимость поддерживать свою выделенность. Непохожесть сама по себе вызывает внутреннее ощущение опасности у закрытого общества хотя бы потому, что «чужой» – значит «не свой» и находится за пределами определенных родовых правил и установок. На ранних этапах социализации чужой однозначно вызывал страх, воспринимался как прямая или потенциальная угроза, семантически был близок понятию «врага»⁴ и олицетворял опасность⁵.

Изгнание чужих, или других, народов происходило повсеместно в прошлом, это происходит. Этническая память и(или) национальные истории народов могли с определенной оценкой сохранить эти времена в своих мифах, сказаниях и национальной истории. Но, пожалуй, единственный народ в мире это прошлое записал в своих священных текстах и сделал частью своей религии. Тем более что изгнания/гонения евреев происходили систематически в различных странах, повторяя и повторяя первый Исход.

Поводы для гонений могли быть различными. Занимаясь ростовщичеством или каким-то другим видом деятельности, неприсущим коренному населению страны, евреи могли вызывать зависть. Но причиной этого являлось не только богатство зажиточных семей. Подобная зависть у коренного населения могла возникать и по отношению к своим феодалам и купцам, а то и своим священникам. Но по отношению к евреям главной причиной являлся конфликт с представителем другой веры, и не

просто другой, а представителем народа, с которым олицетворяли гибель Христа. И это происходило в течение нескольких столетий.

Возникла уникальная ситуация, когда из-за мифологизированного и раздутого до всемирных масштабов «греха» одного еврея стал страдать весь народ.

Так за грехи немецкого народа во Второй мировой войне мог пострадать один отдельный немец или какая-то группа немцев, а с еврейским народом дело было наоборот.

В эпоху Просвещения, революций и с началом европейской эмансипации у евреев Европы зародилась надежда, что наконец-то настало и их время – они освободятся от бремени библейского мифа. Действительно, с одной стороны, некоторые европейские государства заявили о своей приверженности равенству своих граждан и даже разных конфессий, а с другой – сами евреи решили осуществить попытку выйти из многовековой изоляции и самоизоляции и интегрироваться в мир христиан. Но простимулированный буржуазными революциями второй половины XIX в. процесс европейской эмансипации шел противоречиво и с откатами назад.

Во-первых, равные гражданские права не распространялись на евреев или отменялись уже предоставленные. И дело было не только в европейском вопросе, а в сложном процессе формирования европейских государств, сопровождающемся социальными, межэтническими и межгосударственными конфликтами. Причем часто осуществлялись попытки использовать всегда существовавшие у обывателя антисемитские стереотипы в различных политических целях.

Стоит только вспомнить вошедшее в европейскую историю известное дело Дрейфуса.

Таким образом, можно констатировать, что европейская эмансипация не привела к существенным изменениям в положении евреев в Европе. Более того, слабые попытки властей хоть как-то уменьшить дискриминацию евреев еще более увеличивали антисемитские настроения в обществе.

Во-вторых, провозглашенный евреями призыв к интеграции в европейское общество не был поддержан массовым еврейским обывателем или не был им услышан. Было очевидно, что столетия изоляции не прошли даром. Евреи свыклись со своим положением – довольствоваться малым, терпеливо сносить дискриминацию как естественную и, более того, всегда быть готовыми к худшему и самому худшему. В результате те еврейские интеллектуалы, кто действительно осознал свою национальную маргинальность и пытался ее преодолеть, смогли только констатировать, что им не удалось осуществить задуманное. Притом что Европу сотрясали национальные движения и революции, еврейская консолидация не удалась, хотя и возникали те или иные еврейские политические партии.

Например, в России известный социал-демократический БУНД.

Поэтому в еврейской среде зарождается идея вернуть свой народ на прародину, в значительной степени имеющей мифологический и сакрализованный образ. Стремление к возвращению на родину присуще всем, по каким-то причинам покинувшим ее. Это может происходить реально, а может и в памяти поколений. У евреев «возвращение» было

институализировано религиозной догмой и священными текстами. Еврей, родившийся в Европе и забывший свой язык, даже нашедший свою социальную и профессиональную нишу, естественно, верил не только в свою религию, но и верил в возможность «возвращения» на землю обетованную. Эта вера поддерживала еврея в трудные времена.

«Сионисты», отвечая своеобразным образом на вызовы своему народу, только оформили «еврейскую мечту» в идеологическую и политическую доктрину. Конечно, это был не единственный проект «возвращения» народа на свою прародину.

В свое время в Монголию попытались вернуться калмыки Северного Кавказа. В Африку вернулась группа негритянского населения США и образовала свое государство с символическим названием Либерия.

Каждое массовое насилие над еврейским населением в любом европейском государстве или его угроза становились причиной переселения в Палестину евреев. Отношение к «возвращенцам» на прародине было не однозначно со стороны местного арабского населения, да они и сами приживались с трудом. И дело не только в религиозном и этническом противостоянии евреев и арабов. Переселенцы зачастую просто не готовы были принять свою прародину, которая реально не соответствовала их мечтам и надеждам. Евреи, уже прожив не одно столетие в европейских странах, стали, обретая новый облик, другими. Основная масса евреев осталась там, где родились их родители и они сами.

К концу XIX в. положение еврейского населения в Европе все более ухудшалось. И это стимулиро-

вало каждый раз очередную волну иммиграции в Палестину. Признав неудачный опыт еврейской эмансипации, ряд еврейских интеллектуалов создают сионистское движение для организованного возвращения (точнее – переселение) евреев в Палестину. Идея возвращения была не просто понятна еврейскому народу. Каждый еврей жил этой идеей со дня своего рождения под чтения Торы. Сионистское движение приобрело политическую окраску после известной книги Теодора Герцля «Еврейское государство» (1896 г.). В то же время евреи не были единственным народом в Европе, который поставил перед собой цель создать свое государство. Многонациональные империи трещали и разваливались, а народы жаждали свободы и боролись за право на самоопределение.

После окончания Первой мировой войны положение еврейских общин в Европе было близко к критическому. Послевоенная разруха, безработица, экономический кризис, рост националистических настроений в обществе и приход к власти фашистов в Германии уже в 30-е годы поставили евреев на грань выживания. Еврейские погромы и преследование властей происходили и в других странах. И если власти в Италии и Германии действовали вполне осознанно, то сотни и тысячи обывателей по всей Европе на подсознательном уровне считали, что так оно и должно быть – ведь это евреи и нехристиане.

Исторический опыт свидетельствует, что диктатура и тотальные репрессии начинаются или могут начаться с насилия над «первым» евреем. Но если в большинстве своем диктатура локализуется отдельной страной, то наци-

стская Германия подчинила себе всю Западную Европу, и не без помощи последней. Трусливые попытки сторговаться с Гитлером привели к катастрофе европейского масштаба, сопровождавшейся уничтожением евреев. Это происходило зачастую руками представителей стран, оккупированных Германией.

Формирование антигитлеровской коалиции было мотивировано не озабоченностью европейских «демократий» еврейским вопросом. Последний встал только после окончания Второй мировой войны. Европейские державы были озабочены геополитическими вопросами и собственными проблемами. Но память о соучастии в «грехопадении» сохранилась. В результате, с одной стороны, пришло решение не унижить Германию и не озлобить немецкий народ, как это произошло после Первой мировой войны, а помочь вернуться ему в нормальное состояние, а с другой – был осужден и геноцид евреев, наказаны идеологи и исполнители.

Но поверили ли сами евреи в искренность судей? Очевидно, что нет, если религия, миф, мечты евреев о «земле обетованной» стали обретать черты политической стратегии, которая вылилась в решение использовать появившийся исторический шанс – создать собственное государство, пока в очередной раз великие державы не поделили земли Ближнего Востока.

В послевоенный период еврейский народ был не единственным в своем стремлении. Волна войн и восстаний под знаменем права народов на самоопределение охватила весь мир. Чем же евреи были хуже? Вроде бы ничем, если бы не христианский архетип. И все же европейские государства при-

знали самопровозглашенное государство Израиль на палестинских землях. И в этом была в чем-то и попытка искупить вину, а на подсознательном уровне, возможно, то самое потаенное – «чем меньше будет евреев в Европе, тем лучше». Это решение было принято на фоне проблемы возвращения собственности тем евреям, которые захотят вернуться на свое довоенное место жительства.

Итак, произошла реставрация то ли прошлого, то ли превращения мифа в реальность. Но что случилось, то случилось – государство еврейского народа возникло и существует уже более 60 лет. Кому-то это не нравится.

Но с появлением государства Израиль еврейский вопрос не был за-

крыт. Антисемитизм по-прежнему существует в политике и на бытовом уровне. В то же время возникла ситуация, когда проблема безопасности Израиля и его граждан уже не является частью еврейского вопроса. Государство Израиль сформировал израильскую нацию, отличную от еврейской диаспоры мира, со всеми своими проблемами внутреннего и внешнего порядка.

Уникальность сионистского движения и феномена государства Израиль заключается в том, что это был первый случай попытки организованного «возвращения» именно *расеянного по всему свету* народа на историческую родину и создания здесь своего государства. Но обрели ли евреи желаемую безопасность?..

Современное государство Израиль и израильское общество (или израильская нация) явно выделяются своими цивилизационными характеристиками из окружающего ближневосточного мира.

Израиль по своей культуре скорее южноевропейское государство, чем ближневосточное, и оно принадлежит западной цивилизации, может быть даже больше, чем соседний Кипр. А если когда-нибудь Турция и войдет в Евросоюз, т.е. будет полностью признана ее европейская идентичность, то, возможно, и Израиль (сосед Кипра – члена ЕС) через Средиземноморский союз войдет в ЕС, а до этого станет страной – участником ОБСЕ, где уже есть представители даже далеких от Европы азиатских постсоветских государств.

Пока же проблема безопасности евреев в Израиле не решена. Израильско-палестинский конфликт – это конфликт цивилизаций. Он давно уже принял затяжной характер и завязан не только на региональной, но и на мировой политике.

Примечания

¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 2. С. 462–464.

² Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 122–182, 173.

³ Тосака Дзюн. Японская идеология. М., 1991. С. 85–102.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 352.

⁵ Шукуров Р.М.С. Введение или предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 24.